

Хань Хэн слегка усмехнулся:

— Понял теперь? Скорлупа у них совсем мягкая. Если не собираешься съесть всё за пару дней, лучше переложить в кувшин. А захочешь засушить впрок — сперва подвяль на ветру, а уж потом убирай.

Взгляд Чжуан Лина странно блеснул.

— Ты ведь твердил, будто ничего не помнишь. Откуда тогда знаешь, как с ними обращаться?

Хань Хэн опешил. Он на мгновение замешался, но быстро справился с собой и небрежно отмахнулся:

— Да сам не знаю. Смотрел, как ты возишься, и в голове вдруг само прояснилось. Видно, в прошлой жизни я безумно любил грецкие орехи.

— Неужели?

— Разве не ты сам мне об этом твердил? — Хань Хэн выдавил сухой смешок.

Он внимательно посмотрел на Чжуан Лина. То ли тот стал излишне подозрительным, то ли в вопросе юноши действительно крылся подвох.

Впрочем, Хань Хэн не стал забивать себе голову лишними мыслями. За чисткой горы орехов незаметно пролетел весь остаток дня. Теплые лучи солнца приятно разнежили тело, укутывая его ощущением безмятежного покоя и какого-то тихого, почти забытого счастья.

В своей прежней жизни, будучи Пэй Цзя, он отличался редкой проницательностью. Иначе не продержался бы в безжалостных жерновах шоу-бизнеса столько лет, умудряясь выходить сухим из воды. Стоило ему захотеть — и чужие помыслы представляли перед ним как на ладони, лишенные покровов.

Но с Чжуан Лином всё обстояло иначе. Во-первых, тот был человеком совершенно иной эпохи, и привычные мерки к нему не подходили. Во-вторых, мало кому доводится иметь дело с другом детства, который начисто лишился памяти. Обычное человеческое поведение подчиняется строгим законам характера, но стоит вмешаться былым чувствам, как любой порядок летит кувырком.

С другой стороны, когда тебя опекают и пытаются угодить — это куда лучше, чем прозябать в нищете. Хань Хэн трезво оценивал свое положение: без гроша в кармане и без единой полезной связи глупо рассуждать о независимости. Сначала нужно встать на ноги, а уж потом заявлять о правах.

Да, хмель до добра не доводит. Вчера он изрядно перебрал и умудрился сцепиться с Чжуан Лином. Сейчас при одной мысли об этом по спине пробежал холодок. Захоти юный принц избавиться от него — и стёр бы в порошок, глазом не моргнув, словно надоедливую букашку.

После ужина лицо Хань Хэна, целый день скрытое под плотной маской, зазудело. Он то и дело невольно тянулся к щеке.

— Что, не по себе? — заметил его движения Чжуан Лин.

— Да так, чешется немного, — буркнул Хань Хэн. — Пустяки. — Он с недоумением покосился на собеседника. — А ты почему до сих пор не дома?

— Отец взял эту женщину и отправился во дворец на пир. До поздней ночи их не будет.

— А тебя почему дома оставили? — удивился Хань Хэн.

Будучи законным наследником, Чжуан Лин по всем правилам приличия должен был сопровождать отца на столь важное торжество.

Принц вяло приоткрыл глаза:

— Сказался больным. Сказал, что подхватил простуду и боюсь занести во дворец хворь.

— Неужто вместо тебя поехал твой брат?

Вместо ответа Чжуан Лин яростно посмотрел на него.

Хань Хэн не сдержал улыбки. Такой Чжуан Лин — взъерошенный, сердитый — нравился ему куда больше прежнего холодного истукана. В гневе он казался живым, искренним и совершенно беззащитным.

— Что такого твой брат у тебя отобрал, раз ты готов ненавидеть его до конца дней? По мне, так иметь родную душу — великое счастье.

Хань Хэн перевёл взгляд на небо. Ночь выдалась ясной. В вышине сияла огромная полная луна, окруженная мягким, мерцающим ореолом.

Чжуан Лин мгновенно окаменел. Он промолчал.

Хань Хэн смущенно потер кончик носа и выдавил виноватую улыбку.

— Я тут... прихватил вина, — нерешительно произнес Чжуан Лин.

Должно быть, уязвленный тем, что вчера его старший брат Чжуан Янь водил Хань Хэна в кабак, принц решил не отставать. Хань Хэн не стал высмеивать это детское соперничество и с живым интересом кивнул:

— Ну так показывай, чего принёс.

Чжуан Лин достал два изящных кувшинчика из белого, как свежесыпавший снег, фарфора. На их тонких горлышках красовалась искусная роспись в виде цветущих веток мейхуа. Хань Хэн залюбовался тонкой работой, притянул один флакон к себе и принялся.

— Какой дивный аромат.

В воздухе разлилось благоухание — сладкое, с едва уловимой терпкостью подмороженных цветов и сочной кислинкой свежих ягод. Этот запах дразнил, словно кошачья лапка, щекочущая сердце.

— Это Сливовое крепкое вино, — с гордостью пояснил Чжуан Лин. — Попробуй. Оно в сто крат лучше того пойла, которым тебя вчера потчевал мой братец. И когда это ты успел стать таким любителем выпить?

Вспомнив, как накануне Хань Хэн едва держался на ногах, принц недовольно поморщился, однако всё же наполнил его чарку, а следом и свою.

— Хочешь сказать, раньше я не жаловал хмельное? — Хань Хэн сделал крошечный глоток и довольно зажмурился.

Вкус разительно отличался от вчерашнего. В прежнем мире Пэй Цзя строго берег связки и избегал алкоголя, опасаясь подделок и похмелья. Здесь же можно было не бояться за голос, а чистое домашнее вино не оставляло поутру ни головной боли, ни сухости во рту.

Если бы не ночные издевательства этого мальчишки с ледяной водой, тело вообще бы не ломило.

— Раньше ты... — Чжуан Лин махом осушил чарку и вдруг с яростью грохнул её о стол.

У Хань Хэна внутри всё сжалось.

— С этого дня я больше ни слова не скажу о твоём прошлом! И ты помалкивай. Всё равно ведь ничегошеньки не помнишь, а раз так — все твои прежние клятвы псу под хвост. К чему тогда этот пустой трёп?

Принц шумно шмыгнул носом, обиженно посмотрел на Хань Хэна и, снова схватив чарку, принялся глушить чарки одну за другой.

Хань Хэн лишь неловко улыбнулся. Возразить тут было нечего.

Поначалу он не беспокоился. Чарки были крошечными, а само вино — легким и сладким, от десятка таких порций хмель в голову не ударит. Однако первый кувшинчик быстро опустел, и в ход пошел второй. Хань Хэн бросил косой взгляд на принесенную корзину, прикидывая, сколько там еще припрятано.

Делать было нечего — пришлось составить компанию и пить чарку за чаркой. Он и подумать не мог, что хваленый принц окажется настолько слаб к хмельному: к концу второго кувшина Чжуан Лин уже едва лыко вязал.

Хань Хэн попытался дозваться слуг, но на его громкие крики никто так и не отозвался.

В Саду Сюэ прислуги хватало, да и личные охранники принца еще недавно крутились неподалеку. Раз все они разом испарились, значит, сделали это намеренно, решив оставить молодых людей наедине. Хань Хэн вздохнул.

Пошатываясь от легкого хмеля, он с грехом пополам дотащил Чжуан Лина до спальни и уложил на свою кровать.

Принес теплой воды, бережно обтер ему лицо и руки, стянул сапоги, а затем укрыл плотным одеялом, заботливо подоткнув края.

Принц был мертвецки пьян. Он пылал лихорадочным румянцем и лишь тихо, жалобно посапывал, утыкаясь носом в подушку.

Управившись с делами, Хань Хэн собрался было уйти в соседние покои, чтобы лечь там, но стоило ему подняться с края постели, как Чжуан Лин резко вскинул руку и намертво вцепился ему в запястье.

Раздался звонкий хлопок — от железной хватки кожа на руке Хань Хэна мгновенно покраснела.

Не успел Хань Хэн высвободиться, как Чжуан Лин с неожиданной силой потянул его на себя. Потеряв равновесие, он полетел прямо на кровать. Едва успев ухватиться за резной деревянный столбик балдахина, Хань Хэн удержался от падения и замер над спящим.

— Не уходи... прошу, не уходи... — едва слышно пролепетал Чжуан Лин.

В груди Хань Хэна что-то дрогнуло. Он вздохнул и решил остаться, пока юноша крепко не уснет.

Но стоило ему присесть, как принц обеими руками обхватил его за талию и уткнулся лбом в его живот, зарываясь лицом в складки одежды. Голос его прозвучал с такой тоской и обидой, какой Хань Хэн от него никогда не слышал:

— Хань Хэн... Какое ты имел право всё забыть? Почему ты ничего не помнишь?.. Ты просто трусливый ублюдок.

Мальчишка жалобно терся взъерошенным затылком о его бедро.

Дыхание Хань Хэна перехватило. Он замер, мрачно глядя на беззащитно сжавшуюся фигуру у своих ног.

Осенняя ночь дышала прохладой. За окном мерно, капля за каплей, отсчитывала время водяная клепсида.

На залитый лунным светом пол ложилась неподвижная, прямая тень Хань Хэна. Он долго медлил, прежде чем решился опустить ладонь на мягкие волосы Чжуан Лина и нежно погладить его по голове.

— Я не Хань Хэн.

Принц на мгновение замер, словно от укола боли, но это мимолетное движение угасло так быстро, что показалось лишь игрой воображения.

— И становиться им я не желаю. Я — это я.

Тихий, глухой голос Хань Хэна растворился в полумраке спальни. Он смотрел куда-то мимо спящего юноши и потому не заметил, как в темноте на миг приоткрылись глаза Чжуан Лина — взгляд их был холодным и пронзительным.

Больше он не произнес ни слова. Хань Хэн поймал себя на глупой мысли, что ему безумно жаль этого мальчишку. Но тут же горько усмехнулся собственной сентиментальности: какая роль уготована ему самому? Бездомный призрак, незванный гость в чужом теле — велика ли честь жалеть других? Наверное, виной всему была эта тоскливая, бесприютная ночь, разбередившая душу. Стоит лечь спать, и к утру всё пройдет.

Вскоре Чжуан Лин разжал пальцы, отвернулся к стене и затих, мерно посапывая во сне.

Хань Хэн бесшумно поднялся и выскользнул из комнаты.

Как только защелкнулся замок, Чжуан Лин распахнул глаза. Притворное дыхание сбилось, уступив место тяжелому вздоху. Он долго и пристально смотрел на запертую дверь, за тонкой бумагой которой только что растаял силуэт ушедшего человека.

На следующее утро, когда Хань Хэн проснулся, Чжуан Лина в усадьбе уже не было.

По заведенному обычаю, утром и вечером Хань Хэн приходил выразить почтение тётушке Юнь, выпить с ней чаю и отведать домашних сладостей. Накануне из-за визита принца он пропустил визит, поэтому сегодня Сюэ Юнь сразу же увлекла его за стол. Она ласково взяла Хань Хэна за руки, вглядываясь в его лицо, и заботливо убрала со лба непослушные пряди. Она слегка нахмурилась.

— Сынок, два дня назад... ты ведь виделся на улице со старшим братом юного принца? — Сюэ Юнь запнулась, подбирая слова, и заговорила лишь после долгого колебания.

— Да, мы случайно столкнулись в городе, — Хань Хэн с досадой хлопнул себя по лбу. — Совсем из головы вылетело! Я ведь купил тогда букет имбирных лилий, да так и оставил в трактире, когда мы пили вино. Они были такие нежные, душистые... Хотел поставить у тебя в комнате, матушка. Ну да ладно, в следующий раз обязательно куплю новые.

— О цветах не беспокойся, — Сюэ Юнь мягко улыбнулась, но взгляд её остался грустным. — Расскажи лучше, как вы сошлись? Да поподробнее.

— Да я просто шел по улице, а он увязался следом. Кричал что-то, да я шума не разобрал. Так он за мной несколько кварталов бежал, пока не нагнал у цветочной лавки. Сказал, будто со спины я точь-в-точь его старый приятель. Представляешь, матушка, какое совпадение? Того человека звали точь-в-точь как меня, Хань Хэн, буква в букву.

Рассказывая это, он внимательно следил за лицом Сюэ Юнь. Тень глубокой тревоги на её лице сменилась искренним испугом.

— Потом мы пообедали в Обители Слушания Бамбука, что тут неподалеку. Посидели и разошлись. А у самых ворот меня встретил Чжуан Лин и устроил сцену. Ума не приложу, с чего он так взвился.

— Его взбесило то, что ты сошелся с его братом, — Сюэ Юнь судорожно вздохнула. Она сжала губы в тонкую линию, а взгляд устремился в пустоту. Лишь спустя мгновение она взяла себя в руки. — Вражда между юным принцем и его старшим братом длится годами, корни её уходят слишком глубоко. Сынок, заклиная тебя, не лезь в это пекло. Не пытайся их мирить или давать советы.

— Я и сам это понимаю, — Хань Хэн беспокойно потер ладони о колени, уставившись на гладкую столешницу. — Куда мне соваться... Чжуан Лин скор на расправу. В тот вечер он заставил меня умываться ледяной водой, изрядно помучил. Но, матушка, он обмолвился кое о чём странном...

Хань Хэн замялся. Ему было неловко заводить этот разговор. Как бы искренне он ни относился к этой мягкой, доброй женщине, занять место её настоящего сына до конца так и не сумел. Одно дело — заботиться о ней и принимать её ласку, и совсем другое — поверять сокровенные тайны, в которых он сам мало что смыслил. С другой стороны, кроме матушки, спросить было не у кого. Вряд ли посторонние знали правду.

Хань Хэн осторожно огляделся по сторонам.

Сюэ Юнь сразу всё поняла и ровным голосом велела слугам:

— Оставьте нас.

Когда тяжелые портьеры закрылись и они остались наедине, Хань Хэн несмело поднял глаза на Сюэ Юнь, но тут же опустил голову и тихо, почти шепотом спросил:

— Юный принц утверждает... будто раньше нас связывало нечто большее, чем просто дружба.

<http://bllate.org/book/20487/2152231>